

НИКОЛАЙ СТАРОДЫМОВ



СУДЬБА ОФИЦЕРА

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

...Прежний заведующий детдомом у них был хороший мужик, отставной военный, у него не жизнь сложилась, а прямо-таки груша боксёрская для отработки ударов побольнее. Молотило его — дай Боже... В смысле, не дай Бог кому-то ещё такую судьбину!.. Отец у него тоже был военный, фронтовик, едва не до Белграда дошел, как будто бы лично с Броз Тито здоровался, а потом, после войны служил в Ашхабаде, а там в 48-м годе во время жуткого землетрясения у него вся семья погибла... Там так трянуло, что за пять секунд 110 тысяч человек завалило — абсолютный рекорд трагедий на территории Советского Союза!

Он ещё мальчишкой был, когда один из семьи в живых остался, так вот в детдоме и оказался. Суворовское закончил, потом военное училище — как раз под чехословацкие события попал, там ему в морду сильно братья чехи поплевали, которых мы в 45-м от фашистов спасли, как будто он виноват, что его туда послали “пражскую весну” замораживать... Он офицер — куда пошлют, туда и иди.

Впрочем, это вообще участь военных — разгрести дерьмо, в которое по уши закопаются политики. Они же, политики лажовые, потом от них же, от военных, отрестятся! Дескать, мы, политики, в белых перчатках и белых

---

*СТАРОДЫМОВ Николай Александрович родился 24 февраля 1956 года. Потомственный офицер. Закончил Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и войск связи и Гуманитарную академию Вооружённых сил (бывш. ВПА им. Ленина, ныне Военный университет Министерства обороны). Служил в ТуркВО, Афганистане (1985—1987). С 1994 года — в газете “Красная звезда”. В качестве журналиста неоднократно бывал в Чечне. Сейчас в запасе. Главный редактор журнала “Боевое братство”.*

манишках под смокингами, а от них, от военных, пардон-с, дерьмецом протягивает, в котором они сами, дураки, запачкались, наши грехи подчищая и помогая нам заработанные на войне деньги от дерьма же отмывать... А потом у него жена с младшим сыном погибла — разбилась в самолёте, в котором она летела вместе с неким Чистяковым, про которого Валентин до того даже не слышал, но про которого заведующий рассказывал, что это был пародист номер один Советского Союза, который нынче несправедливо забыт и который якобы в те времена позволял себе такие шуточки, на которые в те времена решиться было трудно — уж не потому ли и погиб-то?..

Остался офицер только со старшим сыном, который пошёл по его стопам, закончил военное училище. У сына жена умерла во время родов, а сам же он потом, через много лет, тоже погиб, погиб лютой смертью не то в Эфиопии, не то в Анголе, не то в Намибии, а может, в каком-то из Йеменов — этого никто не помнил; знали только, что отцу не разрешили даже вскрыть гроб с телом, который под большим секретом переслали из Африки. Так и встретил старость этот человек с единственной внучкой, жили они тогда где-то в Молдавии, которая тогда уже разделилась на Молдову прорумынскую и русское Приднестровье.

А там новая беда — девочку как-то нашли зверски истерзанной и гнусно изнасилованной, и никто так и не докопался (да и копались ли?), кто совершил такое злодеяние, какой национальности были те бандиты. К тому времени он жил, правда, не в браке, с одной женщиной из Прибалтики; звала его она, до ночных истерик боявшаяся после того случая с девочкой горящих взглядов, которыми салили её, белотелую, смуглолицые небритые черноусые мужики с автоматами. Звала его уехать с ней в родной ей не то Пярну, не то Паневежис, да только не захотел он быть на чужбине человеком второго сорта — так они и расстались.

Бросил тогда ветеран всё, поджег напоследок свой домишко в свободной Молдове с нажитым за всю свою кочевую жизнь нехитрым скарбом, в том числе и со сберкнижкой с тремя, без малого, тысячами рублей, обесцененных бессовестными горе-реформаторами, да и приехал в город, где некогда воспитывался в детдоме. Попросился на работу. Хоть на какую-нибудь.

— Здесь у вас нет благополучных детей, — доказывал он начальству. — А у меня вообще никого нет. Потому мы с ними так нужны друг другу. Да, нету у меня педагогического образования, так ведь и запросы у меня самые простые. Мне много не надо — только комнатку где-нибудь...

Начальство потенциал отставного офицера оценило. Его, хоть и не имел он надлежащего образования, назначили сразу заведующим.

Поначалу всё шло нормально. Порядок он навёл строгий, сам ничего не тянул и другим не позволял. Справедлив был, грубостей и рукоприкладства не допускал. Уважали его, за глаза “Макаром” прозвали — производное от “Макаренко”... Кого-то из администрации, из старых педагогов и воспитателей уволил, кого-то, невзирая на отсутствие всё того же образования, взял... Короче, работал мужик. С боем, с руганью, с кулаком по столу, с лаской, с матом, с лестью, с обещанием обратиться в прокуратуру или в прессу — но выбивал для подопечных какой-никакой минимум средств.

А потом...

Как-то собрал он ребят старших классов. И, неловко пряча от них глаза, сказал, что, мол, денег не хватает, инфляция всё съедает, продуктов не достаёт, стройматериалов для ремонта нет...

И попросил:

— Ребята, никого не заставляю, не имею права заставлять... Даже просить вас о таком не имею права. Но прошу...

Нужно было для блага детдома поработать на разгрузке вагонов. Поработали, никто не отказался — знали, что всё заработанное пойдёт на них же... Потом ещё раз. Потом организовали крохотную мастерскую, на которой девочки, тоже старших классов, что-то не то шили, не то обмётывали... Они же, девочки, ходили по объявлениям в город — за детьми смотреть или уборку дома кому-нибудь из преуспевающих господ сделать...

Потом мальчишки организовали крохотную мочную станцию, где мож-

но было недорого помыть машину. Пока одни драили автомобиль, другие водителю чайку-кофейку поднесут, бутерброд организуют...

Эта-то мойка и оказалась для них роковой. Хотя... Хотя кто его знает, что для кого и в самом деле становится роковым? Не было бы мойки, было б что-нибудь другое... Но это так, к слову.

Как-то в кабинет заведующего вдруг ворвался один из воспитанников.

— Там на наших крутые наезжают! — заорал он. — Деньги требуют.

Заведующий бросился вон. Выбежал на крыльцо и увидел весьма красноречивую картину: на моечной площадке стояла какая-то крутая иномарка, откуда, небрежно выставив на мокрый асфальт ногу в сапожке с клепками, что-то говорил молодой парень в кожаной куртке; рядом примостился могучий джип, возле которого скучала пара “качков”; ну а детдомовские ребята стояли плотной группкой, понурившись... И отставной офицер не выдержал, сорвался. Он вбежал в дом и через минуту вернулся назад, держа в руках охотничью ижевскую двустолковую-“вертикалку”. Взвел курок и бабахнул в воздух. Треск выстрела гулко отозвался затихающим эхом. С ближайшего дерева с гамом поднялась в небо стайка птиц.

Под удивленными взорами “наехавших” крутых и своих воспитанников заведующий подчеркнуто спокойно переломил ствол, выдернул и отшвырнул в траву гильзу, вогнал в дуло новый патрон.

Направился к сгрудившимся возле машин людям. Взрослым и детям. Врагам и подопечным.

— Я не для того своих пацанов от учебы и от детства отрываю, чтобы они заработанное своими руками вам отдавали, — твёрдо сказал он, опытно, наизготовку, но стволом поверх голов, держа ружьё. — И ни с кем они делиться не будут. Вам всё ясно?

К его удивлению, старший из подхехавших, сидевший в иномарке, на его тираду отозвался вполне спокойно и даже миролюбиво.

— Да ты что, папаша, не позавтракал сегодня, что смоляешь тут? — усмехнулся он. — “Мусора” ещё понаедут, а у тебя несанкционированное применение оружия в период запрета на охоту... Мы же тихо-мирно поговорить хотим... Так это ты тут за главного?

Рассудительный тон и особенно усмешка сбивали с взятого заведующим непримиримого тона.

— Я.

— Ясно. Ну, так значит, разговор у нас к тебе, — Кожаный уже не усмехался, говорил жёстче, но по-прежнему подчеркнуто рассудительно и спокойно. — Дело в следующем, папаша... Когда ты что-то делаешь, ты обязан платить налоги. Ты на это не ропщешь, потому что не нами это придумано, не нам это положение и изменять. Налоги эти идут на содержание государственного аппарата, на армию и милицию. Такова жизнь... Ты налогов не платишь, более того, у тебя здесь процветает явная эксплуатация детского труда. Да и ружьишко у тебя заряженное под рукой... Это ведь подсудное дело, папаша, и у тебя из-за этого могут быть серьезные неприятности с законом. Ну а если ты со своими мальцами пойдёте под нашу “крышу”, проблем у тебя не будет ни с чем, ни с кем и ни в чём. Так что просто считай, что платишь налоги, и соглашайся.

Какой из военного человека, к тому же старой закваски, специалист по словесной эквилибристике?

— А если нет? — в лоб спросил он.

— Тогда у тебя будут проблемы, — откровенно улыбнулся крутой.

Поймав его улыбку, мордovorоты у джипа дружно заржали. Да, они проблемы организуют запросто...

— Поглядим, — сурово ответил заведующий.

— Да пойми же ты, папаша, что и тебе от этого прямая выгода, — еще раз попытался наладить контакт вымогатель. — Тебя после этого никто трогать не будет. Понимаешь? Никто! В том числе и налоговая инспекция. Одно условие только... Вернее, два: повысить плату за обслуживание, а то вы мне конкуренцию сбиваете... А впрочем, ладно, папаша, за голодных детишек — прощаю, — вдруг невесть почему он вздумал сыграть в благородст-

во, увидев, как дружно сгрудились вокруг старика воспитанники. — И в самом деле, только одно условие: вы мне будете платить. — Он не выдержал свой благожелательный тон и повторил с подчеркнутой угрозой, слегка приоткнув кулаком о свою раскрытую ладонь: — Будете платить!

— Не будем!

И тут как-то вдруг, очень быстро и мягко, почти незаметно оказалось, что две дырочки стволов глядят точно в лоб старшему бандиту.

— Послушай, парень, теперь меня! — отставник говорил не менее твердо и решительно. — Через мои руки в армии прошло много ребят. Хороших и плохих; разных. Не знаю, как у кого из них потом сложилось. Но то, что сейчас вы диктуете условия жизни, в этом и я тоже виноват. Значит, плохо мы вас воспитывали... Ну да хрен с ним!.. А тебе я так скажу. Не для того я всю жизнь по гарнизонам прокочевал, не для того сюда приехал, не для того ребят этих под себя взял, чтобы ты им преподносил такие уроки. Понял? Учить жизни их буду я. Может быть, тогда они будут лучше тебя...

Старший медленно, чтобы не спровоцировать выстрел, поднялся из машины. Встал возле неё. Бледный, с испариной на лбу, но внешне спокойный. Даже улыбку попытался изобразить, хотя и получилось у него это не слишком искренне.

— Что ж, папаша, твое дело. Учи, — разрешил он. — Только запомни несколько слов ещё... Да опусти ты свою пикалку, право же, чего ты меня пугаешь? Ты же не сможешь в меня выстрелить... В этом, кстати, наша с тобой разница: я в такой ситуации могу выстрелить, а ты нет... Ты можешь обзывать меня сколько хочешь и как хочешь, но главное заключается в том, что ваше поколение уходит, а на ваших костях вырастаем мы! А вы для нас питательный перегной, на котором мы вполне прекрасно себя ощущаем. И вы не хотите признать, что мы стали такими только благодаря вам. Вы голосовали на партийных собраниях за всенародный одобрямс, а потом дома говорили совсем другое. Вот мы и выросли такие. Да, на наших костях, из того перегноя, в который мы превратимся, тоже вырастут другие люди, которые не будут похожими на нас. Одна только существенная разница: мы не зовем всех к всеобщему равенству и братству, к коммунизму и к другой такой же ерунде. Мы говорим: прав тот, кто сильнее. А я сильнее, чем ты, папаша. Поэтому победа непременно будет за нами. Сегодня я уеду. Не потому, что я проиграл, вовсе нет. А потому что я не хочу применять к тебе насилия. И причина банальна: я не хочу, чтобы в памяти этих твоих салажат ты остался великомучеником — у нас таких всегда любили. Ну, а так я уеду — и ты останешься в их памяти слабым, беспомощным, хотя и гордым донкихотом. И ты всю оставшуюся жизнь так и будешь воевать с ветряными мельницами, а они, твои пацаны, будут тебя жалеть и потихоньку прикарманивать заработанные здесь деньги. Потому что свой личный карман всегда роднее общественного, а свой желудок хочет кушать сильнее, чем миллиард чужих! А потому они все когда-нибудь обязательно придут ко мне, когда тебя выкинут отсюда на помойку, а на твоё место назначат более сговорчивого человека, которому я пообещаю четвертую или десятую часть выручки, которую стану получить с твоих ребят...

Так будет папаша, хочешь ты этого или нет, и будет очень скоро... Ну ладно, хватит политзанятий! Так и быть, из уважения к твоим сединам, я сейчас просто уезжаю. И копейки, вернее, даже рваного бакса с тебя не возьму. А вернусь, только когда узнаю, что тебя отсюда уже вытурили. Ну как, ты ведь оценил моё благородство?

Это было не благородство. Это было издевательство. Это было ничем не прикрытое ёрничанье. Ёрничанье человека, уверенного в своей силе, в своей правоте, а главное — в своём будущем. И заведующий ничем ответить ему не мог. Он стоял, держа в опущенных руках ставшее таким лишним и ненужным ружьё. К нему жались дети. И это единственное, что его ещё как-то поддерживало в те мгновения. Ведь речь вымогателя сломала в его душе что-то главное, что-то центральное, что-то такое, что до этого дня позволяло ему продираться сквозь все удары, которые раз за разом наносила ему беспощадная судьба.

Парень это понял. Он негромко довольно засмеялся. Сунул руку в карман, уже не опасаясь спровоцировать выстрел старика. Достал стодолларовую купюру, небрежно сунул её в карман комбинезончика ближайшему мальчишке.

— Это вам за работу, — сказал он.

Громко захлопали дверцы, и машины сорвались с места.

— Что это с вами сегодня, шеф? — не оборачиваясь, спросил со своего места водитель. — Мы бы их за два дня привели к центральному бою.

— Пусть живут, — с непонятной интонацией отозвался старший. — Навару от них всё равно никакого, так и нечего с ними... — Тут он грязно выругался. А потом добавил, ни к кому уже не обращаясь конкретно: — Гордый старик. Уважаю таких...

Водитель ничего не ответил. После долгой паузы старший спросил у водителя:

— А ты бы так смог?

— Как? — тот уже забыл о конфликте.

— Ну, вот так, как этот дед, против всех нас, один, с ружьём?..

— Очень нужно, — хмыкнул водитель. — Лучше заплатить и жить униженно, но спокойно, чем гордым лежать в гробу... Да и вообще, лучше бы все эти придурки ещё в сорок первом посадавались бы немцам, чтобы мы сейчас под ними культурно жили. А то стояли насмерть, кретины, под танки с гранатами бросались, амбразуры закрывали... — Он смачно расхохотался.

Старший ничего не ответил... Только помрачнел и задумался.

Заведующий всего этого, конечно, не слышал. Он просто стоял, подняв к умытому весеннему небу морщинистое лицо. По крупным складкам кожи на его гладко выбритых щеках струились мелкие старческие слёзы.

Потом вдруг со звяком упало на асфальт ружье. И отставной военный грузно осел на дорогу.

“Скорая” прибыла слишком поздно...

...Многие в городке были удивлены, когда на похороны старого советского офицера вдруг приехала группа “крутых” парней. Старший, не обращая внимания ни на кого, подошёл прямо к гробу, на несколько секунд замер, всматриваясь в спокойное, умиротворённое лицо покойника. На глазах у всех, не опасаясь никого, вложил ему в белую, как полотно, руку маленький золотой крестик. Что-то хотел сказать, да только перекрестился.

...У заведующего после его смерти на всей земле не осталось ни одного родственника. Так что в последний путь его провожали лишь официальные представители не то собеса, не то наробраза, весь детдом да эта странная группа “крутых” парней, которая смотрелась вовсе не грозно, а словно стая побитых собак возле гроба покойного.

А после все были поражены, что вскоре на скромной могилке, над которой торчала лишь стандартная, неровно выкрашенная “серебрянкой” тумбочка, увенчанная пятиконечной звездой, вдруг появился добротный гранитный памятник с выбитым золотом по лощёному камню портретом старого офицера и надписью — тоже золотом пониже: “Не сильные лучшие, но добрые. Фёдор Достоевский”.

А вскоре рядом встал и другой памятник, похожий — с портретом того шибко умного молодого главаря “крутых”... Видно, посильнее его донкихоты нашлись.